

© **Водопьянов П.А., Сидоренко И. Н.**

http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/kuksenko_vremya.htm

12. Клеопов Д.А. Время субъектное и объектное [Электронный ресурс] / За материалами: Института исследований природы времени // Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/kleopov_subyektnoye.pdf

13. Ковалев С.Н., Гижа А.В. Феномен времени и его интерпертация [Электронный ресурс] / За материалами: Библиотека философии и религии // Режим доступа: <http://filosofia.ru/70518/>

14. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональная асимметрия человека [Электронный ресурс] / За материалами: Института исследований природы времени // Режим доступа: <http://www.chronos.msu.ru/quotations/systemquot4.html>

15. Молчанов В.И. Проблема времени как фиктивная проблема (пространственный поворот в феноменологии) [Электронный ресурс] / За материалами: Института философии Российской Академии Наук // Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page29218556.htm>

16. Москвин В.А., Попович В.В. Философско-психологические аспекты исследования категории времени [Электронный ресурс] / За материалами: Института исследований природы времени // Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/moskvin_filosofsko.htm

Водопьянов П.А. – член корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор кафедры философии Белорусского государственного технологического университета.

Сидоренко И. Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь.

УДК 002.330

ФРАГМЕНТАРНА МЕРЕЖЕВА РЕАЛЬНІСТЬ НЕОІНДУСТРІАЛЬНОГО СУСПІЛЬСТВА

В статті визначений критичний аналіз постіндустріальної стадії розвитку сучасного суспільства, розкрита необхідність її трансформації, обґрунтована перспективність становлення неоіндустріалізму. В статті розглядається неоіндустріальне суспільство як комунікативна система та фрагментарна реальність, досліджуються особливості розвитку мережної комунікації, аналізуються зміни у соціальній практиці, які відбулися під впливом мережі.

Ключові слова: постіндустріалізм, неоіндустріалізм, неоіндустріальне суспільство, фрагментарна реальність, комунікативна система.

ФРАГМЕНТАРНАЯ СЕТЕВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В статье дан критический анализ постиндустриальной стадии развития современного общества, показана необходимость ее трансформации, обоснована перспективность становления неоиндустриализма. В статье рассматривается неоиндустриальное общество как коммуникативная система и фрагментарная реальность, исследуются особенности развития сетевой коммуникации, анализируются изменения в социальной практике, произошедшие под воздействием сети

Ключевые слова: постиндустриализм, неоиндустриализм, неоиндустриальное общество, фрагментарная реальность, коммуникативная система..

FRAGMENTARY NETWORK REALITY NEOINDUSTRIAL SOCIETY

In the article a critical analysis of postindustrial stage of development of the modern society is made. The necessity of its transformation is demonstrated, promising character of neo-industrialism is proved. In this article is considered the neo-industrial society as a communicative system and fragmentary reality. Features of development of network communication are investigated, changes in public practice, events under the influence of a network are considered in the article.

Keywords: *post-industrialism, neoindustrialism, neoindustrialne society fragmented reality communicative system.*

Несмотря на имеющиеся различия, в понимании постиндустриализма имеется ряд общих признаков, присущих данной стадии общественного развития: переход от производства товаров к производству услуг и расширению их сферы, доминирование профессионального и технического персонала, главной движущей силой экономики становятся научные разработки и достижения. Наиболее значимую ценность представляет уровень образования, профессионализм, обучаемость и творческие способности работника, повышение роли научного знания и изменение системы образования и т. п. Сторонники концепций постиндустриального общества уделяли особое внимание широкому применению информационных технологий, распространению гибких форм мелкосерийного производства, приходящего на смену унифицированному массовому производству и потреблению. Благодаря всеобщему доступу к основному ресурсу постиндустриального общества – знаниям, по мнению ряда исследователей, произойдут существенные изменения в его социальной структуре, исчезнут границы классового деления общества, на смену собственности как критерию социальной стратификации общества придет уровень образования и накопления знаний. В отличие от индустриального общества, постиндустриализму будет присуще только одно противоречие между знанием и эффективностью – с одной стороны, некомпетентностью и неэффективностью – с другой. При этом основное внимание на стадии постиндустриального общества уделяется повышению качества жизни, которое должно стать главным ориентиром социального прогресса. Достижение этой цели предполагает сохранение здоровья и продолжительности жизни, повышение рождаемости и воспроизводства рода, удовлетворенность жизнью (крайняя степень неудовлетворенности – самоубийство) и, наконец, духовное состояние, выражающее сохранение общечеловеческих ценностей.

Теория постиндустриализма послужила оправданием переноса реального сектора экономики в развивающиеся страны. Это способствовало обогащению корпораций и возникновению финансового сектора экономики, что выдавалось под флагом развития сектора услуг. В итоге раздувание финансового сектора экономики в ущерб реальному явилось одной из основных причин глобального экономического кризиса. На основании сказанного можно утверждать, что концепция постиндустриализма не явилась практическим воплощением своих идей в реальный сектор экономики. А глобализация на неолиберальных принципах, – как подчеркивает М. Калашников, – вылилась в создание глобальных монополий, гегемония которых привела к торможению развития, к росту дороговизны товаров/услуг при падении их качества, к "затиранию" важнейших (но опасных для капиталистических отношений) инноваций [1]

Такого рода утверждения о перспективах развития постиндустриализма далеко не случайны. Даже Д. Белл – один из основоположников и теоретиков постиндустриального общества – в своей новой книге «Эпоха разобщенности», отметил что проблематику, связанную с теорией постиндустриального общества, он считает «пройденным этапом» [2]. Подобного рода критическая оценка роли индустриального производства не лишена оснований и потому следует вести речь о переходе ведущих индустриальных стран не к постиндустриальному обществу, а к новой стадии индустриального развития – неоиндустриализации [1]. «Неоиндустриализация» означает совокупность автоматизированных или технотронных производительных сил, а сама индустриализация не есть одноразовый процесс, завершаемый становлением крупномашинного производства. В реальности практика представила не одну, а две фазы индустриализации. Первая фаза индустриализации была связана с электрификацией производительных сил общества, а вторая фаза привела к возникновению автоматизированных или технотронных производительных сил. «Действительно, всеобщая электрификация выступает основой всеобщей автоматизации или компьютеризации производительных сил. Автоматизировать паровые машины и средства производства, т.е. интегрировать их и цифровыми технологиями, было невозможно. Действует принцип последовательности или эволюции средств производства: компьютеризируется или автоматизируется только то, что электрифицировано. Вначале общество добивается электрификации, и лишь затем оно получает возможность автоматизации своих производительных сил» [1, с. 17].

В концепции «неоиндустриализма», на основе анализа средств производства и производства предметов потребления, подчеркивается, что экономика развитых стран осуществляется за счет производства средств производства, а не услуг. Ссылаясь на официальные данные относительно межотраслевых балансов (таблиц «затраты – выпуск») сторонники неоиндустриализма подчеркивают,

что «удельный вес средств производства во всех без исключения странах «большой семерки» превышает 50%... В США доля средств производства в совокупном общественном продукте составила по итогам 2009 года более 55,8%, а в Германии – свыше 58%, в Японии – около 60%. Все остальное приходится естественно на второе подразделение, на производство предметов конечного потребления» [1, с. 12]. Сегодня, например, совокупное конечное потребление домохозяйств в США почти на 2/3 обеспечивается не услугами, а материальными товарами.

На основании этого можно заключить, что прогресс в развитии общества не может быть обеспечен благодаря совершенствованию сектора услуг, а предполагает экономический рост на основе внедрения новых технологий, резко увеличивающих производительность ресурсов. Более того не вызывает сомнения и тот факт, что современная индустриальная цивилизация находится в полной зависимости от наличия природных ресурсов вообще и в особенности от углеводородного сырья. Поэтому, чтобы управлять современным человечеством необходимо осуществление контроля над источниками этих ресурсов.

Кроме этого, одним из важнейших признаков современного неоиндустриального общества является утрата прошлым своей детерминирующей силы для определения его будущего развития. Место прошлого занимает будущее как нечто конструируемое, то, чего нет, но что еще может быть, а следовательно переживаемое как возможность получения выгоды или ее утраты. Установка на анализ причинно-следственных связей как несущественных с позиции будущего приводит не только к накоплению рисков, но и к фрагментарности реальности. Такой тип современного общества З. Бауман определяет как индивидуализированное общество, в котором для человека весьма важно определить свою собственную идентичность в условиях неопределенности любого выбора. Риск выбора опосредован тем, что в фрагментарной социальной реальности размывается нормативность в сфере морали, что, в свою очередь, приводит к хронической неопределенности жизненных стандартов и социальному беспокойству. Одной из реакций на эти общественные изменения становится фрагментаризация, которая одновременно выступает как способ конструирования и изменения социальной реальности, и в тоже время как новый гибридный тип рациональности. Определение социальной реальности как фрагментарной вызывает необходимость поиска новых подходов к ее исследованию.

Фрагментарность реальности выражается в следующем: парадоксальное сочетание реального и виртуального; размывание центра и периферии; утрата целостного образа реальности, индивидуализированность множества субъективных конструкций реальности. Так, фрагментаризация реальности проявляется средствами массовой информации, в частности, таким путем, как создание визуального образа в процессе мониторинга множества популярных газет или сканирование пакета ТВ-каналов, т. е. «зэппинг» (zapping) как результат быстрого переключения теле- или радио-каналов. В результате этого происходит наложение и совмещение друг с другом самых различных фрагментов транслируемых изображений, а значит и самой реальности. Целостный образ реальности возникает лишь на определенное время, он возможен только в контексте «здесь и сейчас», который нельзя другому выявить, не зафиксировав его как фрагмент. Фрагменты этого уже исчезающего образа целостности не имеют смысловой связи, то, что их объединяет – это сам момент переключения, перехода из одной смысловой реальности в другую.

Фрагментаризация как новый гибридный тип рациональности упорядочивает неопределенность, правда, до определенной степени, придавая ситуативному фрагменту реальности очертания целостного образа. Фрагментаризацию можно измерить на основе критериев, предложенных М. Вебером для определения формальной рациональности. Так, под эффективностью фрагментаризации понимается оптимальный способ достижения прагматической цели, связанный с нарушением общепринятых правил за счет создания ситуативных норм. Такая позиция характерна для индивида общества постмодерна, осознающего реальность как текст и извлекающего фрагменты из первоначального контекста и выстраивающего их заново так, чтобы они оказались вообще свободны от каких бы то ни было контекстов, приписывающих им смысловые коннотации. Калькулируемость предполагает подсчет возможных рисков на основе учета социально-экономических и экологических параметров. Предсказуемость связана с сознательным принятием отсутствия каузальной обоснованности. Именно поэтому в качестве конкретного осуществления фрагментаризации выступает техника монтажа, предполагающая случайное комбинирование типичных социальных практик, поскольку их контроль не может быть осуществлен однозначно. Фрагментарная реальность предполагает выбор множества вариантов и интерпретаций и потому в силу этого контроль представляет собой аллегорическое прочтение реальности. В итоге, аллегория

выступает единственным способом репрезентации истории и времени как катастрофы, как разрыва со сложившимися ценностями и традициями. Поэтому фрагментаризация, выступая гибридным типом рациональности, проявляется только в периоды социального перехода и трансформации общества, ценностных ориентаций и выбора новых социальных практик. Именно поэтому она может оказывать общее рационализирующее влияние на социокультурное развитие современного общества.

Фрагментарная реальность неоиндустриального общества открывает возможность внедрения новых форм общественной коммуникации, таких как информационные сети, которые стремительно нарастают, переходя от локальных пространств к глобальным. Данный процесс не есть что-то абстрагируемое от реальности, его влияние на социальную структуру в современных условиях становится доминирующим. В Республике Беларусь эти процессы менее заметны, однако они вскоре займут достойное место в социальной практике. Примером может служить Парк высоких технологий, товарно-денежный обмен посредством электронных сетей, информатизация социальной жизни. Поэтому современные процессы фрагментаризации социальной реальности и расширение информационных сетей можно определить как этап становления «сетевого общества». Социальные сети были всегда (например, семья, круг знакомых и родных, религиозные сети, научные, маркетинговые и др.). Вместе с тем, в настоящее время значимость социальных сетей значительно возрастает и приобретает особое значение в жизни современного общества.

Концептуальное осмысление феномена сети, осуществленное М. Кастельсом, базируется на построении сообществ на основе сетевого индивидуализма. В силу новых коммуникативных возможностей, по его мнению, предоставляемых сетью, люди постепенно утрачивают ранее прочную связь с локальными сообществами. Если ранее социальная идентичность достигалась путем привязанности человека к месту жительства или профессиональному сообществу, то основной тенденцией современного общества является переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. «Такая индивидуализированная связь с обществом», по М. Кастельсу, «является специфической формой социальности» [3, с. 155]. Связь и взаимодействие сетей определяется способностью к коммуникации на основе «кода», представляющего собой социальное содержание сети.

Философскому анализу проблему сетей подвергли в свое время Ж. Делез и Ф. Гваттари, положив в основу концепции связь и гетерогенность сетевой структуры. Центральным понятием здесь является заимствованный из ботаники термин «ризом». Применительно к сети оно означает такое количественно-качественное состояние структуры, при котором каждая точка может быть соединена с любой другой в децентрализованной и антииерархичной структуре-сети, не имеющей исходного пункта развития. При этом для координации действий и синхронизации результата не требуется центральный орган, главенствующее значение при этом принадлежит коммуникативным связям на основе единого кода. Ризоматическая форма сетевого сообщества становится все более распространенной в современных условиях.

Можно констатировать в итоге, что основным отличием новых сетевых структур неоиндустриального общества в отличие от традиционных является качественно иной «способ их организации». Развитие телекоммуникационных технологий привело к тому, что в XXI в. стали доминировать не локальные информационные обмены, а удаленные и опосредованные контакты, осуществляющиеся в коммуникационной среде. Новая архитектура социального пространства в данном случае может развиваться в так называемом «сетевом поле». Будучи единым информационным множеством, в котором информация распространяется мгновенно между всеми акторами, данное поле предстает в качестве среды, позволяющей социальным классам группироваться и перегруппироваться, а социальным институтам формироваться или переформироваться.

В основе концепции «сетевого общества» лежит представление об информации как знании, ведущем к изменению системы. Фундированная основными положениями электронных систем и технологий, сеть непосредственно находится в зависимости от степени их развития. Поэтому качественные изменения, происходящие в сети, в конечном итоге, служат условием понимания сети как универсальным средством передачи информации широким слоям населения свободных ресурсов. Особо следует отметить также и тот факт, что если в начальный период процесса адаптации сети социальным пространством адаптировалась сама сеть, то в настоящее время адаптации подлежит то, что еще не было в нее включено. Таким образом, если ранее сеть развивалась, детерминированная потребностями социума, то в современных условиях само общество начинает развиваться по законам

© *Симоненко С.П.*

сети. Внедрение сети в социальную среду трансформировало общество, породив новые формы социальной организации. Значимость иерархических отношений уступает место значимости положения в системе сетевых связей. Эволюция сети приводит к тому, что сама она перестает существовать как часть несетевого мира, поскольку сам мир становится фрагментарным.

Интерпретация неоиндустриального общества как фрагментарного и сетевого определяет новый подход к его исследованию, а именно, конструктивистский. Используя конструктивистский подход, можно утверждать, что социальная реальность конструируется в результате взаимодействия людей. При этом взаимодействие становится условием возникновения системы, а коммуникация, связанная с социальным действием, наделяет саму систему содержательным смыслом. Такой подход в особенности актуален в условиях глобализации, так как именно последняя является важнейшим социально-экономическим, политическим и культурным факторами, оказывающими влияние на социальное конструирование.

В отличие от классической и неклассической рациональности, постнеклассическая, и в данном случае, коммуникативная реальность как фрагментарная и сетевая, наталкивается на такие типы предметности, познание которых как существующей вне человека законченной «реальности» невозможно. Поэтому необходимо достраивание реальности, а стало быть и введение объектной составляющей в контекст требований и решений, обуславливаемых человеческой деятельностью. Постнеклассическая рациональность не существует вне измерения социально-гуманитарного проектирования и потому она не является чисто познавательной рациональностью, направленной на постижение сложившейся реальности, а наоборот, выступает формой социально-гуманитарной проектно-конструктивной рациональности. Специфика человекомерных комплексов заключается не в ее воплощении в реальность и превращению в законченную конструкцию, а в том, что их осуществление невозможно без соотнесения с определенными социогуманитарными установками. Эта реальность – сфера человеческой жизнедеятельности, в отличие от объектной реальности, предполагает незавершенность, открытость, превращаемую в действительность решениями, поступками и действиями. Таким образом, фрагментарное «сетевое» неоиндустриальное общество как субъективная реальность в качестве объекта изучения конструируется не в процессе ее изучения, а в значительной мере социальными коммуникациями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Губанов, С. Неоиндустриализм плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 17.
2. См. Белл, Д. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века / Д. Белл, В. Иноземцев. – М: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург, 2004. – 687 с.

Симоненко С.П. – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, історії та політології Одеського національного економічного університету.

УДК 37.4+159.6+16+8.47

ФЕНОМЕН ДОЛІ ЯК НЕВІД'ЄМНИЙ АТРИБУТ КУЛЬТУРИ СОРОМУ: ДАВНЬОГРЕЦЬКИЙ ЕПОС ТА ТРАГЕДІЯ

В статті показано, що періоди архаїки та класичного античного полісу за своїми соціокультурними характеристиками належать до культури сорому. Відповідно феномен долі розкривається через особливості культури сорому у якості її центрального елементу.

Ключові слова: фатум, культура сорому та провини, надособистісні регулятиви поведінки, позитивні кореляти сорому, закон космічної відплати.